

МОДИФИКАЦИИ ОБРАЗА ПЕТРА ВЕЛИКОГО В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ А. С. ПУШКИНА И РИТОРИЧЕСКАЯ ТРАДИЦИЯ

Н. Л. Вершинина (Псков)

Проблема интерпретаций личности Петра Великого как художественного образа в творчестве А. С. Пушкина продуцируется общими эстетическими и литературно–критическими факторами исторической эпохи 1820–1830–х годов. Главным вопросом времени в этом аспекте стал вопрос о соотношении *истины* и *вымысла*, когда дело касалось реальных исторических личностей, – вопрос, который в особенности актуализировался в связи с развитием жанра романа и, преимущественно, романа исторической модификации.

Несмотря на то, что позиция Пушкина в этом вопросе постоянно характеризовалась четкостью и определенностью суждений, правомерно и заключение о том, что она не оставалась неизменной и пережила свою эволюцию в продолжение почти полутора десятилетий: от начала 1820–х к середине 1830–х годов. Модификации образа Петра Великого – наглядное тому свидетельство, отображающее разные стадии формирования пушкинского художественного историзма: от романтической концепции к концепции социально детерминированной объективации действительности и, наконец, к созданию исторической художественности, которую сам поэт определял как «историю... домашним образом» («О романах Вальтера Скотта», 1830¹).

Следует заметить, что последнее звено эволюции Пушкина–художника в теме Петра Великого выражено наименее четко. Вальтер–скоттовская традиция в подходе к историческому материалу, о которой подробно говорит Д. П. Якубович², в этом случае, как можно видеть, проявляет себя скорее *внешним* способом. В этой теме Пушкину так и не удалось преодолеть дистанцию, отделяющую исторический облик монарха от его художественного образа, второй, и «Арап Петра Вели-

¹ «Главная прелесть ром.<апов> Walter<ott> состоит в том, что мы знакомимся с прошедшим временем не с *enflure* фр.<анцузских> трагедий – не с чопорностью чувствительных романов – не с *dignité* истории, но современно, но домашним образом...» //Пушкин А. С. Полн. собр. соч. в 17 тт. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937–1959. Т.12. С.195. В дальнейшем все ссылки на это издание даются в тексте с указанием тома и страницы в скобках.

² Якубович Д. П., «Арап Петра Великого» (Публикация Л. С. Сидякова) //Пушкин. Исследования и материалы. Т. IX. Л.: Наука, 1979. С.261–293.

кого», и «Полтава», сохраняют ее, используя – в качестве изобразительного средства – не художественную обытовленность образа, но его эмблематические, риторические ракурсы. Риторический подход в изображении реформатора России по-новому заострен в «Медном всаднике» (1833): образ дан на стыке полифонически самоценных воззрений, предвосхищающих романский диалогизм в самой постановке проблемы «человек и государство».

Невозможность полностью «перевести» образ Петра I из риторической концепции в художественную, очевидно, связана с тем обстоятельством, что с самого начала Пушкин видел в столь интересующем его монархе свойства *великого человека*, то есть соизмеримого, в первую очередь, с общими, внеличностными, гражданскими деяниями (в автобиографических записках 1821–1822 годов, где Пушкин сравнивал Петра с Наполеоном как «сильной» личностью, в черновиках присутствовал и эпитет «великий» – XI, 289). Попытки представить образ монарха с позиций художественно разнородных подходов и критериев не дали должного результата, о чем свидетельствуют, к примеру, запись Пушкина в «Истории Петра» (1831–1836), и сам по себе факт незавершенности этого сочинения: «Достойна удивления: разность между государственными учреждениями Петра Великого и временными его указами. Первые суть плоды ума обширного, исполненного доброжелательства и мудрости, вторые *нередко жестоки, своеправны и, кажется, писаны кнутом*. Первые были для вечности, или по крайней мере для будущего, – вторые вырвались у *нетерпеливого самовластного помещика*» /X, 221/.

Противоречие осталось неразрешенным, на что указывает П. В. Анненков в связи с тем же сочинением, подводящим итог петровской теме: «Художническая натура Пушкина мешала ему сделаться трезвым историком... Поэтическая способность переноситься всецело в дальние эпохи и жить с ними, как бы в качестве их современника, мешала ему исполнять обязанности историка»³.

Принцип «истории... домашним образом» остался намеченным, но не примененным в изображении Петра: историк и художник в данном случае оказались каждый в своей «правде», впечатление реалистической объемности достигалось *соположением* двух «правд», а результатом их взаимодействия стала особого рода художественная целостность.

Эстетические и этические представления Пушкина об *истине* и *вымысле*, соответствующие второй стадии развития его художественного историзма, очевидно, не совпадали с общепринятым толкованием этих категорий, которые постоянно повторялись в учебных книгах. Для Пушкина *истинно то, что объективно*: он не может

³ Анненков П. В., Пушкин в Александровскую эпоху. Минск: Лимарнус, 1998. С. 269.

считать критерием объективности произвольное сращение действительного и воображаемого, декларированное в учебниках словесности Ив. Борна, Н. Кошанского, Н. Греча и многих других. Попытки современной эстетической мысли разрешить проблему исторического романа – в целом, исторической художественности – не отвечали пушкинским требованиям к этому виду творчества, так как лишали каждую из вышеназванных «правд» равнозначности и самоценности, растворяя их в некоем беллетристическом конгломерате.

Ив. Борн писал, например, в «Кратком руководстве к российской словесности»: «Роман представляет нам картину жизни человеческой. В нем не всегда описываются истинные происшествия; чаще он ничто иное есть, как скопище разнообразных вымыслов...», по мнению автора, нравоучительной направленности⁴. Из тех же посылок исходил и Н. Остолопов в «Словаре древней и новой поэзии»: «...мы встречаем вымыслы пиитические, представленные в простой одежде прозы, каковы суть романы и все писанное в их роде; встречаем также предметы истинные, кои бывают украшены всеми прелестями поэзии – таковы поэмы исторические и дидактические»⁵. Соотнести художественное творчество с понятиями *истины и вымысла, поэзии и прозы* рекомендует учебник Н. Ф. Кошанского: «К Истинным относятся: Исторические и Действительные. К Вымышленным: Нравственные, Чувствительные и пр. ... Вымышленные повести – повидимому – относятся к Поэзии: ибо вымысл есть характер Поэзии. Но если оне употребляют и язык и средства Прозы; если самый вымысл их не Идеальный, не Поэтический, а обыкновенный, Прозаический: то без сомнения больше принадлежит Прозе, нежели Поэзии»; «Роман (Romana fabula, novella) – частью Поэзия, частью Проза...»⁶. Аналогичная тенденция – и в «Учебной книге русской словесности...» Н. И. Греча: «Романы или вымышленные повести... по вымыслу и расположению принадлежат к Поэзии, а по выражению к Прозе»⁷.

Перед Пушкиным неизбежно должна была встать проблема: как, не изменяя исторической правде, ввести образ Петра в художествен-

⁴ Борн Иван, Краткое руководство к российской словесности. СПб., 1808. С.115.

⁵ Остолопов Николай, Словарь древней и новой поэзии, составленный Николаем Остолоповым. Ч.2. СПб., 1821. С.400–401.

⁶ Кошанский Н., Частная риторика. Изд. 5-е. СПб., 1840. С.69. (Первое издание – 1832). См. о критериях подобного деления на почве русской теории литературы в статье В. В. Виноградова «Поэтика и риторика» (Виноградов В. В. О языке художественной прозы: Избранные труды. М.: Наука, 1980. С.98–123).

⁷ Греч Николай, Учебная книга русской словесности, или Избранные места из русских сочинений и переводов в стихах и прозе с присовокуплением кратких правил риторики и лингвистики и истории русской литературы, изданные Николаем Гречем. Изд.2-е, испр. Ч.1. СПб., 1830. С.53.

ные системы лирики и эпоса; как, сохранив государственный масштаб личности, показать царя с ближней дистанции, гарантирующей при этом подлинность исторического свидетельства? Представляется, что «свободное» (в пушкинском понимании), творческое соотнесение художественных и исторических критериев могло опираться на двубращенные и хорошо известные в пушкинское время риторические жанры: анекдот, письменное и устное предания. В этих структурных формах онтологические категории *повествования и описания*⁸ сополагались как увиденное с ближней и дальней дистанций: с ближней – как живое свидетельство очевидца, конкретный, лично удостоверенный факт; с дальней – как предание об этом факте, преодолевающая границы настоящего его проекция в будущем.

Комментируя суждения известного историка Е. Шмурло: «В конце XVIII столетия реальный образ Петра наполовину успел уже окутаться легендой; живые, достоверные черты сплошь и рядом тускнели в тумане наивного восторга, и ходячие рассказы о царе – «анекдоты», как любили их в ту пору называть, при всем их интересе полны были таких наслоений, что зачастую не знаешь, каких больше в них данных, для суждения ли о говорящем, о составителе или о самом Петре», – Е. Костюхин замечает: «В анекдотах есть данные и о говорящем, и о составителе, но не менее их о самой устной традиции, ее специфике: деятельность исторического лица нередко представляется здесь по фольклорным моделям, укладывается в клише, раскладывается по ситуациям, давно вошедшим в повествовательный фольклор... Всякого рода «физиологические очерки» быта, нравов, привычек – это отнюдь не повествовательный фольклор. Но и за этими рассказами стоят слухи и толки, они отвечают народным представлениям о том, каким должен быть царь... В свете этих слухов и толков история приобретает новые контуры»⁹.

«Новые контуры» истории – как не абсолютно фактологической, но и не до конца субъективной интерпретации картины прошлого – в пушкинскую эпоху предложил Н. М. Карамзин: «Есть *три* рода Истории: *первая* современная, например, Фукидидова, где очевидный свидетель говорит о происшествиях; *вторая*, как Тацитова, основывается на свежих словесных преданиях в близкое к описываемым дей-

8 О субстанциональном значении категорий «повествование» и «описание» пишет А. В. Михайлов. Анализируя стиль прозы А. Штифтера, исследователь замечает: «... можно рассматривать описание как завершённый в себе раздел – как экспозицию возможных трагедий» (Михайлов А. В., *Язык культуры: Учебное пособие по культурологии*. М.: Язык русской культуры, 1997. С.689).

9 Костюхин Евгений, XVIII век в русском историческом анекдоте // *Русская проза эпохи Просвещения: Новые открытия и интерпретации* / под ред. Элизы Малёк. Wydawnictwo Uniwersytetu Łódzkiego Łódź, 1996. С.114–116.

ствиям время; *третья* извлекается только из памятников, как наша до самого XVIII века»¹⁰.

Правда «предания», которая соединяется во встречном движении с правдой «факта» для Пушкина второй половины 1820-х годов является основой исторически объективного изображения. Он с жаром отыскивает аналог «истории», которая «принадлежит поэту», в «огромном создании» Н. М. Карамзина. Нарушение предложенной автором «Истории Государства Российского» иерархии достоверных свидетельств, преданий и исторических памятников воспринимается Пушкиным как незаконное требование «романа в истории» /X/, 57/ – как то, что он решительно и принципиально не принимает.

Интегрирование разномасштабных явлений, неодномерных сторон в художественной трансформации истории применительно к Петру было намечено еще М. В. Ломоносовым, восходя к летописной традиции: с одной стороны, присутствовало «движение к исторически конкретному отображению» (по мысли Г. Н. Моисеевой – следствие «изучения им древнерусской литературы»¹¹)¹²; с другой – тенденция к эпизации образа Петра средствами «старорусской риторики» и поэтики классицизма, «ко времени Пушкина уже отжившей свой век»¹³. Примененный к текущему моменту (трагической коллизии николаевского царствования) образ Петра явственно «перешагивает» отведенные ему хронологические границы, стремится к риторической обобщенности, в то же время не отрываясь от фактов, ставших реальными предпосылками данных обобщений. Гуманизм историка нового времени соединяется с высокой, нивелирующей все точкой зрения летописца как «визионера высших связей»¹⁴:

Но правдой он привлек сердца,
Но нравы укротил наукой,
И был от буйного стрельца
Пред ним отличен Долгорукой.

/III, 1, 40/.

Факты, характеризующие Петра (отношение к пагубному для России возмущению стрельцов, к смелому поступку Якова Долгорукого), – это одновременно и исторические реалии, и мифологизи-

¹⁰ Карамзин Н. М., История Государства Российского. Книга первая. Т. I–II. М.: Моск. рабочий, 1993. С. 17.

¹¹ Ломоносов и русская литература. М.: Наука, 1987. С. 13.

¹² Благой Д. Д., Творческий путь Пушкина. М.: Сов. писатель, 1967. С. 131.

¹³ Там же. С. 129.

¹⁴ Лихачев Д. С., Поэтика древнерусской литературы. Изд. 3-е, доп. М.: Наука, 1979. С. 258.

рованные преданием проявления личности идеального монарха¹⁵. Художественность достигается не «оживлением» и «дальними эпохами», по выражению П. В. Анненкова (как будет в 1830-е годы, в пору создания «Капитанской дочки»), но соположением наиболее убедительных точек зрения на замечательное лицо истории: из прошлого и будущего.

Тот же принцип, в гораздо большей степени, проявится в первом романе Пушкина – незавершенном историческом сочинении «*Арап Петра Великого*» (1827). Здесь с большей отчетливостью представлена тенденция, которую в связи с изучением пушкинского прозаического стиля отмечает Б. М. Эйхенбаум. Ученый считает, что структурирование способов повествования предполагало для автора «Повестей Белкина» использование системы рассказчиков – «коллективное авторство»^{16,17} которое организует повествование, как многоуровневое, уже в «*Арапе Петра Великого*». Корсаков, Ибрагим, сам автор – в качестве очевидцев грандиозных преобразований – повествуют о них, все время как бы учитывая присутствие еще одного

15 Трансформацию закрепленной преданием ситуации «всемогущий царь – простой человек» Е. Костюхин видит в появлении «фольклорного героя»: это «мудрый советник, режущий царю в глаза правду-матку. В анекдотах о Петре это сенатор Яков Долгоруков. У него хватало смелости не выполнить царский указ или даже разорвать его – и царь вынужден признать правоту сенатора, поборника справедливости. Вообще, этот сюжет стал любимым в русских исторических анекдотах XVIII в.» (Костюхин Евгений, XVIII век в русском историческом анекдоте // Русская проза эпохи Просвещения... С.115).

16 Эйхенбаум Б. М., «Сквозь литературу». Сб. статей. Л.: Academia, 1924. С.155.

17 Именно тогда, когда в творчестве Пушкина складывалась позиция «художника-историка», формировался стиль пушкинского повествования в прозе, изучение поэтом древних летописей получило наиболее интенсивный и многосторонний характер. В библиотеке Михайловского была «Русская летопись по Никонову списку», СПб., 1788 (Лобанова Э. Ф., Михайловская библиотека Пушкина: Попытка реконструкции каталога. М.: МЦНТИ, 1997. С.27). В. А. Жуковскому 17 авг. 1825 г. Пушкин писал: «... читаю только Карамзина да летописи» /XIII, 211/. Летописный источник поэт цитировал в письме К. Ф. Рылевсу (вторая пол. мая 1825 г.) – XIII, 176. В библиотеке Пушкина был ряд изданий Императорской Академии наук: «Летописец Руской от пришествия Рурика до кончины Царя Иоанна Васильевича. Издал Н. Л.» (СПб., 1792), «Подробная летопись от начала России до Полтавской Баталии» Ч. II, IV. (СПб., 1798–1799), «Российская Летопись по списку Софийскому Великому Новгороду...» (СПб., 1795), Шлецер А.–Л. «Истор. Русские летописи на Древне-Славенском языке, списанные, переведенные и объясненные Августом Лудовином Шлецером». Перев. с нем. Дмитрий Языков. Ч. 1–3. (СПб., 1809–1819) и др. Авторы «Словаря языка Пушкина» отмечают широкий диапазон значений слова «летопись» в произведениях и критических высказываниях поэта: от «Погодных записей исторических событий» до «Истории чего-нибудь», чем обусловлено не только хронологически-локализованное, но и расширенно-метафорическое толкование данной жанровой формации (Словарь языка Пушкина. Т. 2. М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1957. С.477).

лица – «автора-историка» (В. В. Виноградов). Система рассказчиков осложнена в «Арапе Петра Великого» постоянным вторжением автора с его «историческим», подчеркнуто дистанцированным зрением. Автор вторгается в естественный ход бытия героев, в эпические *описания*, сделанные ими с близкого расстояния. Но свидетельств очевидцев при этом для Пушкина уже явно недостаточно. Точно также *повествование*, создаваемое И. П. Белкиным в «Истории села Горюхина» (1830) «исторично» в том плане, что опирается не только на хроникальную запись событий, но и на их «внутренне упорядоченную передачу», производя «рассказ о событиях» (Д. С. Лихачев). В теснейшее соприкосновение приходят *открытость* пушкинского слова в большое историческое время и фиксирующий наличествующую современность фактографичный стиль.

Тип повествовательной структуры первого исторического романа Пушкина генетически восходит к *летописи*, объединяющей фиксацию текущего момента времени с преданием о нем, ближним и дальним. Хроники, подневные записки, материалы к биографии у Пушкина нерасчленимы с тем, что выявляет их отнюдь не частное значение, их вечный смысл. Онтологически разница между малым и большим, персональным и общим отсутствует именно в летописном повествовании¹⁸.

В этом случае правомернее видеть в *удивлении* Ибрагима и Корсакова от созерцания «новорожденной столицы» и личности монарха не «совмещение двух точек зрения»: человека петровского времени и «автора-историка», как полагает С. Г. Бочаров¹⁹, а интегрирующую, единую точку зрения повествователя: он и творит и в то же время «переписывает, *живет* в изображаемом времени и месте с тем *концетирует* его с позиций повествователя-летописца. Интеграцию подобного свойства содержала оценка Нестора, помещенная в труде высокочтимого Пушкиным историка А.-Л. Шлецера: «Этот Русс вздумал быть *историком* своего народа»²⁰. Аналогичным образом приобретает качество зрения историка-летописца видение главного героя романа – арапа Ибрагима. К нему вполне применимо замечание Пушкина в записке «О народном воспитании» (1826): «Изучение России должно будет преимущественно занять в окончательные годы умы молодых дворян, готовящихся служить отечеству верою и правдою, имея целью искренно и усердно соединиться с правительством в великом подвиге улучшения государственных постановлений...» /XI, 47/.

18 Лихачев Д. С., Поэтика древнерусской литературы. С. 261.

19 Бочаров С. Г., Поэтика Пушкина: Очерки. М.: Наука, 1974. С. 118.

20 Шлецер А.-Л., Нестор: Русские летописи на Древле-Славянском языке, сличенные, переведенные и объясненные Августом Лудовиком Шлецером. Перев. с нем. Дмитрий Языков. Ч. I. СПб., 1809. Введение. С. 18.

В изображении Петра уравниены в целостной авторской позиции общее и далекое с частным и ближним, тенденция к «историч... домашним образом» с официально-государственной концепцией поступков государя. Об интегрирующем авторском зрении свидетельствует уже начало романа, где в качестве одномасштабных выступают заведомо не равновеликие явления: государственная деятельность монарха и его частные отношения, его быт: «В числе молодых людей, отправленных Петром Великим в чужие края для приобретения сведений, необходимых государству преобразованному, находился его крестник, арап Ибрагим... Император посреди обширных своих трудов не переставал осведомляться о своем любимце и всегда получал лестные отзывы насчет его успехов и поведения... И Петр снисходительствовал его просьбам, просил его заботиться о своем здоровье, благодарил за ревность к учению и... не жалел для него своей казны, присовокупляя к червонцам отеческие советы и предостерегательные наставления» /VIII, 1,3/. Фразы потенциально распадутся на две хронологически различные части: сферы бытования царя и царского арапа заведомо *разномасштабны*, «обширные труды» и «государство преобразованное» стилистически не однородны с сообщениями, касающимися биографии царского «любимца». Главное же то, что все это интегрировано, сведено вместе. Нечто подобное предлагает повествовательный фольклор. Например, в формулировках оглавления «Деяний Петра Великого» И. И. Голикова, развитых затем в тексте, встречаются такие: «Повеление отъезжающим в чужие земли явиться к Государю для получения наставлений от Него»; «Отправление многих детей в Европу для изучения Наук и Художеств»; «Награждает достойных и наказывает ленивых» и т. п.²¹

Бытовые социальные проявления реализуют то общее, которое показалось бы фантастическим, если бы не эта конкретизация, данная в характеристических фактах. С другой стороны, сколько бы «материализованной» ни выглядела личность Петра, она, как верно заметил С. Г. Бочаров, уже «перешагивает» в предание: «человек высокого росту в зеленом кафтане с глиняной трубкой во рту, читающий гамбургские газеты, – это в первой же встрече в ямской избе встреча с известными атрибутами Петра»²². Отсюда и «общие планы», которые выполняют ту же функцию, что и апофегматика в летописной стиле, что и панегирическая риторика изучавшего этот стиль М. В. Ломоносова (сравним в «Слове похвальном... Императору Петру Великому»: «Откуда толикая слава и сила Российских флотов по толь

²¹ Голиков И. И., Деяния Петра Великого, мудрого Преобразователя России. Ч. II–X. М., 1788–1789. С. 1.

²² Бочаров С. Г., Поэтика Пушкина. С. 121.

многим морям в краткое время распространилась?... Не древние ли исполины, вырывая из густых лесов и гор превысоких великие дубы, по берегам повергли к строению? Не Амфион ли сладким лирным игранием подвинул разнovidные части с сложенню чудных крепостей, летающих через волны? Таковым бы истинно вымыслам чудная поспешность Петрова в сооружении флота приписалась, естли бы такое невероятное, и выше сил человеческих быть являющееся дело в отдаленной древности приключилось, и не было б в твердой памяти у многих очевидных свидетелей, и в письменных без всякого изъятия достоверных известиях»²³).

Истина теряет антидетичность по отношению к вымыслу, сливается с ним в одном монолитном образе. Сущностное заключается в «вечном», данном «в аспекте временного» (именно так Д. С. Лихачев определяет специфику летописного слова²⁴). Эквивалентность «вечно-го» и «временного» особенно проявляется в формульных «общих планах», закрепляющих и возвышающих сюжминутное: «Ибрагим видал Петра в Сенате, оспориваемого Бутурлиным и Долгоруким, разбирающего важные запросы законодательства в адмиралтейской коллегии, утверждающего морское величие России, видел его с Феофаном, Гавр.<иилом> Бужинским и Копиевичем, в часы отдохновения рассматривающего переводы иностранных публицистов, или посещающего фабрику купца, рабочую ремесленника и кабинет ученого» /VIII, 1, 13/. Обобщенность, доведенная до степени эмблематичности, сильнее проявлялась в вариантах: вместо «оспориваемого Бутурлиным и Долгоруким» было: «внимающего голосу Правды» /VIII, 2, 525/; после слов: «рассматривающего переводы иностранных публицистов» – «в часы отдохновения занимающегося частным благосостоянием своих подданных» /VIII, 2, 508/. Сравним у И. И. Голикова соположение пунктов оглавления: «Спускает новые корабли, сделанные в Архангельске, и залагает новые», «Посещает простые мужичьи барки», «Снисхождение Его»²⁵. В «Слове похвальном... Императору Петру Великому» М. В. Ломоносова – тот же, уже риторизованный, нерасчленимый образ монарха, единого в малом и большом: «Простив многих знатных особ за тяжкие преступления, объявил свою сердечную радость приятием их к столу своему и пушечною пальбою. Не отягощает Его казнь стрелецкая. Представьте себе, и помыслите,

23 Ломоносов М. В., Собрание разных сочинений в стихах и в прозе Михайлы Васильевича Ломоносова. Изд. новое, испр. Ч.2. СПб., 1803. С.397. Издание находилось в библиотеке А. С. Пушкина (Модзалевский Б. Л. Библиотека А. С. Пушкина: Библиографическое описание. СПб., 1910. С.59. Факсимильное издание).

24 Лихачев Д. С., Поэтика древнерусской литературы. С.260.

25 Голиков И. И., Деяния Петра Великого, мудрого Пресоблагодателя России. С. IV.

что ему ревность к правде, что сожаление о подданных, что своя опасность в сердце говорила»²⁶.

Оставаться в художественном методе историком, который критически воспроизводит «простодушную наготу летописи» /XI, 121/, пребывая при этом человеком своего века и одновременно очевидцем-современником изображаемого – такова была позиция Пушкина не только в «Стансах», «Арапе Петра Великого», но в позднейшем «Пире Петра Первого» (1835). Картина, переходящая в мысль, и мысль, подтвержденная наглядным примером, – это способ риторической организации текста²⁷, в данном случае выведенный вовне кольцевой композицией. Такой образ художественности Пушкин считал наиболее соответствующим «великому» историческому лицу, совпадая в этом с позицией, заявленной в трактовке петровской темы Ломоносовым и Державиным. Свидетельство тому – замечание, оставшееся в «Истории Петра»: «Петр, простив многих знатных преступников, пригласил их к своему столу и пушечной пальбою праздновал с ними свое примирение (*Ломоносов*)» /X, 15/.

Наличие *летописного* – в расширительно-метафорическом смысле – начала в исторической интерпретации художественного образа Петра Великого открывает закономерности развития пушкинского стиля в целом, в частности, его ориентацию на объективность летописного повествования. Исследование данного вопроса выводит и к новым, не менее важным проблемам: к проблеме риторической одической традиции («Полтава»), к проблеме восстановления «связи времен» на почве «прорастания» их друг в друге («Стансы», «Пир Петра Первого»), к обобщающей теме «Пушкин – художник и историк», которая самой формулировкой предполагает наличие коллизии.

Взгляд на личность Петра как «великого человека», подкрепленный концепцией выдающихся русских просветителей, не определялся для Пушкина сугубо исторической, причинно следственной логикой, представленной в его критике и публицистике. Исторические и эпические интенции летописи были соположены Пушкиным-художником; из памятников, следуя Н. М. Карамзину и А.–Л. Шлецеру, он извлекал не только факты, но и риторические обобщения, опорой для которых послужили национальные предания.

²⁶ Ломоносов М. В., Собрание разных сочинений в стихах и в прозе Михайлы Васильевича Ломоносова. С. 406.

²⁷ По мысли М. Ю. Лучникова, «риторическое высказывание довлест сразу двум полюсам. Оно стремится к отвлеченному смыслу, «голой сути», никогда не достигая «чистоты» абстрактного мышления. Но и его образность лишена самодовольствующей пластичности» (Лучников М. Ю., Литературное произведение как высказывание. Кемерово: Кемеровский гос. ун-т. 1989. С. 41).